

Дмитрий Дьяков

Враждебная территория

Воронежский поход 2-й венгерской армии

Начну вот с какой истории. Несколько лет назад судьба свела меня с одним ветераном Второй мировой войны. Звали его Виктор Егорович Шумилов. Он жил в Воронеже и ему было уже много лет. В годы войны он был фотографом 1-й советской танковой армии, а после войны (в начале 1960-х годов) – фотокорреспондентом той самой группы советских войск, которая была здесь, в Венгрии. И вот этот человек рассказывал мне о том, как он проходил собеседование в КГБ перед отправкой в Венгрию. И ему было строго-настрого запрещено говорить, что он из Воронежа. „Этот город у венгров вызывает исключительно отрицательные эмоции, – сказали ему. – Поэтому забудьте, откуда вы родом – не будем пугать венгров.” После этого он стал говорить всем, что приехал из Москвы.

Позже, уже после падения Берлинской стены, в России был переведен культурологический словарь Иштвана Барта „Русским о венграх”, где я прочёл: „для венгров старшего поколения название русского города Воронеж звучит зловеще: здесь, в излучине Дона, в январскую ледяную стужу 1943 г. Красная армия прорвала фронт, что означало катастрофу для II Венгерской армии – 200 тысяч солдат погибли под огнем, погибли от мороза, были захвачены в плен”. [Барт 2005: 195–196.]

Это, как говорят у нас, одна сторона медали. А вот – другая.

В российском городе Воронеже к венграм – тоже сложное отношение. В наших краях из поколения в поколение передаются рассказы о „зверствах” солдат 2-й венгерской армии на воронежской земле, многие мои земляки уверены, что подчас венгры вели себя гораздо жестче немцев. Когда 12 лет назад у села Рудкино на берегу Дона, в местах, где в 1942–43 годах разыгрывалась кровавая двух наших народов драма, начали возводить воинское кладбище-мемориал по погибшим солдатам 2-й венгерской армии, – в Воронежской области поднялась огромная волна протеста. Разные политики, особенно националистического и коммунистического толка, заполнили местные издания криками о зверствах венгров. Раздавались даже призывы – снести воздвигаемый мемориал бульдозером.

В тот период я был редактором областной демократической газеты „Воронежский курьер”. Это было единственное в Воронеже издание, которое пыталось противостоять всеобщей истерике. Вот что я писал в те дни:

„На любой реальный ход событий в конечном итоге влияют люди. И те, кто оказались на ключевых постах, и, увы, те, чья кровь лилась с обеих сторон. Но, кроме этой исторической закономерности, есть еще и совесть отдельного конкретного человека, который волен оплакивать страдальцев – с той и с этой стороны.

Кто бывал на Бородинском поле, возможно, знает: неподалеку от Шевардинского редута, на том самом месте, где находился командный пункт Наполеона, стоит памятник французам – солдатам, офицерам и генералам, погибшим в этом сражении. На туристических картах и схемах-указателях он значится под номером 16 – рядом с памятником 12-й батарее роте, что в центре Шевардина... Огромный гранитный постамент с бронзовым орлом наверху. На пьедестале, в переводе с французского, надпись: „Мёртвым Великой армии”.

Так поступали с могилами врагов наши предки в XIX веке.

Безумное двадцатое столетие учило другим манерам. Безумие века, словно клеймом мечено межнациональными разломами. Советская Россия много воевала, выстраивая в сознании своих граждан список претензий к иным государствам. Оттого мы даже сегодня по инерции продолжаем выхватывать из того советского списка – то русско-германский счет, то русско-польский, то русско-афганский, то русско-еврейский... В Воронеже вот неожиданно оказался востребованным счет русско-венгерский.

Что можно сказать по этому поводу? Увы, дьявольские веса истории уравнивают любые взаимные претензии, выводя кровавый итог. К исходу XX века на территории Воронежской области, оказалось, более 60 тысяч безымянных венгерских захоронений. В Венгрии же покоятся тела 112 625 советских воинов, из которых известны лишь фамилии 20 598 человек. Как правило, останки и тех, и других покоятся в полях, где остались лишь груда осколков, смешанных с землей да призраки душ, ушедших в небо много лет назад.” [Дьяков 2002]

Так мою точку зрения поддержали разные люди. Мемориал павшим венгерским солдатам на воронежской земле появился. Сегодня он свидетельствует о том, что воронежцы (пожалуй, более чем жители других российских регионов) и венгры самой историей

ДМИТРИЙ ДЬЯКОВ

связаны навечно. Вы, здесь, на берегу Дуная, охраняете сон русских солдат, мы там, в излучине Дона, следим за покоем павших венгерских воинов. А поэтому мы с вами всегда будем приезжать друг к другу, просто потому, что забывать могилы предков – нельзя. Так принято и у вас, в Венгрии, и у нас, в русском городе Воронеже.

Ну а теперь о том, что же произошло на воронежской земле в те давние уже 1942-й и 1943-й годы. Как случилось, что война пришла на нашу землю и почему венгерские солдаты оказались в эпицентре сражения, произошедшего от их родины за 1842 км (именно такое расстояние от Будапешта до Воронежа).

Рассказ свой я начну с события, которое произошло не в Венгрии и не в Советском Союзе, а совсем в другой стране. В гитлеровской Германии.

Шел январь 1942 года. После битвы под Москвой, похоронившей блицкриг, Гитлер не переставал говорить о необходимости увеличения количества жертв, которые необходимо в самое ближайшее время положить на алтарь немецкой победы: „Настоящее мировое господство может быть основано только на собственной крови, – внушал своим генералам Гитлер. – Как только представишь себе, что Фридрих Великий противостоял 12-кратно превосходящему его врагу, сразу чувствуешь себя настоящим подонком!.. Если эта война будет стоить нам четверти миллиона убитых и 100 тысяч калек, эти потери будут восполнены нами ростом рождаемости, которого немецкий народ может достигнуть после того, как мы станем хозяевами на Востоке. Эти люди во множестве возродятся у нас в тех поселениях, которые я создам для германской крови на Востоке.” [Тревор-Ропер 2004: 261.]

Всю зиму 1942 года фюрера обуревала жажда реванша. Успокоился он только тогда, когда его мозг произвел на свет план небывалой по своему масштабу операции. Теперь пусть Сталин продолжает сидеть в своем белокаменном логове, ожидая очередного нашествия доблестных войск вермахта. Не дожидется! Фюрер повернет всю мощь своих армий на юг, где располагаются главные энергетические ресурсы Страны Советов. Железными ударами он последовательно парализует основные железнодорожные линии между Москвой и промышленными областями этой страны, быстрым

и внезапным поворотом своей армии вдоль Дона захватит жизненно важные угольные бассейны, а затем столь же победоносно и дерзко овладеет нефтяными районами Кавказа и намертво преградит путь сотням танкеров по Волге.

А для того, чтобы русские до поры до времени не разгадали этот гениальный (как и всё, что он делал) стратегический план, фюрер введет их в заблуждение. Он симитирует второе нашествие на Москву, для чего нанесет невиданный по мощности удар где-нибудь посередине расстояния от Кавказа до русской столицы... Проведя нужную линию по карте, Гитлер ткнул карандашом в кружок с надписью „WORONESCH”...

Впрочем, задерживаться надолго в этом городе фюрер не собирался. Его, как уже говорилось, манили и притягивали более южные окраины советской империи. Немецкая армия была сильна и мощна. Однако не настолько, чтобы обеспечить своим присутствием все населенные пункты громадного советского пространства. Поэтому впервые за годы войны Гитлер решил сделать серьезную ставку на армии союзных с Германией государств. Речь, прежде всего, шла об Италии, Венгрии, Румынии и Словакии. Гражданам этих стран, которых в ставке фюрера именовали не иначе, как „вспомогательные народы” (русский народ Гитлер вообще считал «недочеловеками»), надлежало прикрыть растянутый на сотни километров северный фланг германских войск вдоль всей водной преграды Дона...

История, как известно, сослагательного наклонения. Но шанс сорвать планы Гитлера, не допустить его поход на Воронеж, и, нанеся предупреждающий удар, добиться отступления неприятеля еще до прихода роковой 40-градусной зимы, у Советского Союза был. И шанс этот, по иронии судьбы, Сталину подарил... венгр.

Шандор Радо,¹ едва ли не самый знаменитый разведчик Второй мировой войны, еще 10 апреля 1942 года передал в Москву полный текст секретной директивы Гитлера о том, что войска вермахта планируют начать летнюю наступательную кампанию с удара на Воронеж.

¹ Радо Шандор (Radó Sándor; 1899–1981), венгерский картограф и географ, доктор географических и экономических наук. В годы Второй мировой войны (1939–1945) был руководителем одной из групп антифашистского Сопротивления, руководя разведывательной группой „Дора” (перестановка слогов фамилии Радо) в Швейцарии (о своём участии в антигитлеровской борьбе вспоминал в книге „Dóra jelenti...”, впервые изданной в Будапеште в 1971 году).

Но по иронии судьбы, в тот же самый день – 10 апреля 1942 года – советский маршал Тимошенко² в Воронеже утвердил свой план действия войск на этом направлении в весенне-летний период. По плану Тимошенко Красная армия должна была, напротив, оголить воронежское направление и посредством мощной кавалерийской атаки, ударить по врагу, измотать и уничтожить его под Харьковом. Сталин, оценив план Тимошенко и донесение разведчика, доверился своему маршалу. Так был упущен шанс избежать массовой, не виданной в истории, гибели солдат армий нескольких стран на воронежской земле.

На подготовку операции у Гитлера ушло еще три месяца. И вот 28 июня ровно в 10 часов утра укомплектованные и оснащенные немецкие, итальянские, венгерские, румынские войска пересекли границы Воронежской области и бодро двинулись на битву, финал которой, по замыслу Гитлера, обязан был решить судьбу войны.

Поначалу для венгров все складывалось чудесным образом. Русские явно не ожидали столь мощного удара войск неприятеля с юга. 3 июля 2-я венгерская армия генерала Яни, поддержанная 40-м немецким танковым корпусом генерала фон Швеппенбурга, окружила крупные силы Красной армии у Старого Оскола и захватила почти 40 тысяч пленных. Затем, развивая наступление, венгры достигли западного берега Дона и заняли линию фронта протяженностью 210 км от Воронежа до Павловска. Столь масштабного наступления венгерские войска еще не знали. „В то время, – вспоминал начальник штаба Воронежского фронта генерал-майор Михаил Казаков,³ – мы склонны были оценивать венгерские дивизии даже выше, чем немецкие. Ведь по опыту первой мировой войны мы знали, что

2 *Тимошенко Семен Константинович* (1895–1970), советский военачальник, Маршал Советского Союза (1940), дважды Герой Советского Союза, народный комиссар обороны СССР (1940–1941). В апреле 1942 г. – главнокомандующий войсками Юго-Западного направления и одновременно командующий войсками Юго-Западного фронта. С ноября 1941 г. по май 1942 г. штаб Юго-Западного направления и фронта находился в Воронеже. В мае 1942 г. его фронт потерпел сокрушительное поражение под Харьковом, где советские войска потеряли 230 тысяч человек, 775 танков, более 5000 орудий. Прах Тимошенко погребен в Кремлевской стене.

3 *Казаков Михаил Ильич* (1901–1979), советский военачальник, генерал армии, Герой Советского Союза. Начальник штаба Воронежского фронта (июль 1942 – февраль 1943). Участвовал в разработке планов боевых действий под Воронежем.

мадьярская кавалерия являлась наиболее боеспособной частью объединенной австро-венгерской армии.” [Казаков 1971: 128.]

Однако очень скоро победоносное продвижение 2-й венгерской армии было приостановлено из-за отчаянного сопротивления Красной армии. Советские войска, отойдя за Дон, построили свою тактику на постоянных контратаках. Результаты внезапных ударов производили на венгров гнетущее впечатление. Так, в боях с частями Красной армии под Коротояком и Сторожевым четыре дивизии венгров лишились около половины своего состава. Один только танковый полк в ходе 10-дневных боев в этих местах потерял под огнем советской артиллерии 138 танков из 160.

В найденном на правом берегу Дона в районе Сторожевого дневнике ефрейтора 3-го батальона 1-й мотобригады Иштвана Балого есть следующая запись от 16 августа 1942 г.: „Грустное воскресенье. Многие венгерские товарищи поливают своей кровью русскую землю. Убитые покрывают землю. Не успеваем отвозить раненых.” Этот дневник, начатый еще в Будапеште, является уникальным документом. В нем весьма ярко отражено изменение настроений у венгерских солдат по мере ведения боевых действий на территории Советской России. Первая запись в дневнике утверждала: „Уезжаем с грустью, но с уверенностью в грядущей победе”. Потом оптимизм рассеивался. „1 июля. Везде видны основы разбитых немецких машин. Не покидает ли немцев военное счастье? Верим Богу, что оно останется и с ними и с нами, несмотря на отдельные поражения. ...19 августа. Не дождемся улучшения положения. Хорошо бьют русские снайперы. Стоит только показаться, как они тебя продырявят. Обычно смертельно... 20 августа. Был бой, в котором земля содрогалась от разрывов бомб и снарядов. Не покидай меня, святая Богородица!. ...21 августа. Подсчитываем потери роты: 20 убитых, 94 раненых, трое пропали без вести. Настроение подавленное. Все друзья ранены... ...1 сентября. Вижу нашу судьбу: мало шансов на возвращение домой. Поскорее бы окончилась война, иначе мы все погибнем. Половина уже погибла...” [ЦАМО РФ, ф. 32, оп. 11306, д. 57: 71–72.]. Эта запись – последняя. Из следующего боя ефрейтор Балог не вернулся.

А вот строки из письма старшины пулеметной роты 1-го батальона 35-го пехотного полка Дюлы Ронаи своей жене в г. Асод: „... Каждый ломает голову над тем, когда же нас сменят? Особенное разочарование вызвало у солдат заявление генерала Яни, что солдаты

ДМИТРИЙ ДЬЯКОВ

могут вернуться домой не раньше сентября будущего года.” [ЦАМО РФ, ф. 32, оп. 11306, д. 83: 262.]

8 августа в результате очередной контратаки 25-я гвардейская стрелковая дивизия полковника Павла Шафаренко отбила у венгров под Сторожевым плацдарм в 13 километров по фронту и 8 километров в глубину. „Паника охватила 9-ю пехотную дивизию хортистов, – вспоминал комдив Шафаренко.⁴ – Бросая артиллерию, оружие и имущество, ее подразделения бежали далеко в тыл. Там их встречали, наскоро приводили в порядок и опять бросали в бой.” [Шафаренко 1978: 77.] Поражение венгров на этом плацдарме имело небывалые последствия.

Венгры неоднократно пытались вернуть Сторожевое, но все эти попытки были отражены дивизией Шафаренко. Плацдарм был сохранен и впоследствии сыграл важную роль в окончательном разгроме армии генерала Яни.

Начав бои под Воронежем, Гитлер обманул не только советское командование, но и венгерское правительство. Немецкие эшелоны с продовольствием и вооружением оказались просто физически не в состоянии обеспечить ресурсами столь растянутую линию фронта. Тем более что Гитлер объявил на этом участке сразу два стратегических центра наступления – Воронеж и Сталинград. „Если резкое изменение Гитлером планов ведения операций уже само по себе было отрицательным явлением, то на снабжение оно оказывало самое пагубное влияние, – писал в своих воспоминаниях начальник штаба 17-го немецкого корпуса генерал-майор Ганс Дёрр. – Начальники тылов при внезапном перенесении направления главного удара не в состоянии были планировать и организовывать снабжение как путем подвоза из тыловых районов, так и непосредственно из Германии. Из положения выходили, прибегая к рокадным перевозкам в прифронтовой полосе и к заимствованию из запасов соседей. При этом почти всегда страдал какой-нибудь участок фронта, который нуждался в заимствованном у него имуществе так же настоятельно,

4 Шафаренко Павел Менделеевич (1908–1988), советский военачальник, генерал-лейтенант. В начале войны – командир воздушно-десантной бригады. С августа 1942 г. по июль 1943 г. командовал 25-й стрелковой дивизии – главной ударной силы советской армии в боях со 2-й венгерской армией.

как и тот, кто его получал.” [Дёрр 2000: 441.] В этих условиях гитлеровское командование стало поставлять продовольствие только немецким частям. Союзники же вермахта по всей линии фронта имели устаревшее вооружение, страдали от плохого питания и отсутствия зимней одежды. Зимняя одежда для венгерской армии была вывезена на фронт, но доставить ее в части помешали в основном трудности, связанные с транспортом, находившимся в руках немецкого командования. В результате все эшелоны с вещами, поступающие из Венгрии на фронт, были реквизированы и перенаправлены в части вермахта.

Но едва ли не самой серьезной проблемой для венгерской армии оказалось продовольственное обеспечение. Как рассказывал сдавшийся в советский плен солдат 10-го батальона Янош Молнар, „офицеры нам обещали, что после войны мы получим много земли на Украине, но мы думаем сейчас не о земле, а о том, как бы покушать”. [Пушкаш 1966: 293.]. Оснований для подобных заявлений было немало. Венгерские гонведы повсеместно стали устраивать „голодные бунты”, жестоко подавляемые командованием. В одном из приказов по 46-му пехотному полку говорилось: „За выражение недовольства питанием виновные будут наказаны. Все вы должны знать, что больше 120 г мяса и 150 г хлеба все равно никто не получит”. [ЦАМО РФ, ф. 32, оп. 11306, д. 83: 259.]

К осени ситуация резко ухудшилась. Проблема недоедания стала возникать и в немецких частях. Голодные солдаты вермахта начали открыто отбирать у венгерских гонведов пищу. Вот некоторые свидетельства очевидцев, которые мне удалось найти в воронежских архивах. „Немцы жрали все, что могли награть у населения, а венгры питались тем, что не пожирали немцы.” [ГАОПИ ВО, ф. 3, оп. 1, д. 34: 28.] – писал после освобождения Воронежской области в своем докладе в обком партии секретарь по пропаганде одного из сельских районов области Михаил Булавин. Крестьянин Иван Савинков вспоминал, как на его глазах „немецкий солдат избивал мадьярского телефониста за то, что тот стал не в указанные часы кушать свой паек”. [ГАОПИ ВО, ф. 3, оп. 1, д. 34: 22.] Подобные случаи приобрели настолько массовый характер, что, в конце концов, послужили поводом для экстренного совещания в Будапеште. Начальник венгерского генштаба генерал Сомбатхей печально докладывал регенту о том, что „на Восточном фронте часто имеют место сильные столкновения с немецкими военнослужащими, что

ДМИТРИЙ ДЬЯКОВ

не способствует добрым отношениям между союзниками”. [Пушкаш 1966: 296.] Эти же выводы подтверждает и довольно любопытное свидетельство, сохранившееся в воронежских архивах. У одной из жительниц Репьевского района квартировал венгерский офицер, который каждый вечер перед сном вешал свою грязную одежду на портрет Гитлера. Однажды хозяйка дома сказала ему: „Пан, не добре! Мы на портрет Сталина одежду не вешаем”. На что постоялец ответил: „Этой собаке сколько не дашь – все мало. Поэтому я отдаю ему каждый день свои грязные кальсоны...” [ГАОПИ ВО, ф. 3, оп. 1, д. 34: 24.]

Оккупанты во все времена остаются оккупантами. Оказавшись в ситуации полуголодного существования, венгерские солдаты занялись обыкновенным мародерством. Вслед за немцами они начали грабить воронежских крестьян. Очень скоро масштабы грабежа достигли таких размеров, что в Ольховатском районе один из венгерских комендантов был вынужден даже издать приказ о том, чтобы местное население „уводило весь скот подальше, так как солдаты будут его беспощадно забирать и резать. ...В случае, если скот все же будет насильно взят, следует немедленно заявить об этом коменданту” [ГАОПИ ВО, ф. 3, оп. 1, д. 34: 21.] – говорилось в приказе. Впрочем, остановить мародерство голодных оккупантов подобными распоряжениями было трудно. Отчаяние и паника неуклонно овладевали солдатами венгерской армии. „Наши немецкие „союзники” обращались с нашими солдатами подло и беспощадно, – писал в своих воспоминаниях венгерский политический деятель 1940-х годов Иштван Доби. – Мы никогда не узнаем, сколько десятков тысяч несчастных венгерских гонимых разгромленной на Дону армии погибло в результате равнодушия, лютой ненависти или прямой расправы немецких офицеров, которые, отняв у них одежду, вооружение и продовольствие, бросили их на произвол судьбы в метель и сорокаградусную зимнюю стужу.” [Пушкаш 1966: 302.]

29 октября 1942 года в дивизию полковника Павла Шафаренко, продолжавшую удерживать плацдарм на Сторожевом, прибыли самые влиятельные венгры, из находившихся в то время в СССР, – лидер коммунистической эмиграции Матьяш Ракоши и писатель Бела Иллеш. Их разместили на командном пункте дивизии в

блиндажах, отрытых в меловых горах на правом берегу Дона. „После первых приветствий Ракоши сказал, что они специально приехали к нам посмотреть и поговорить с гвардейцами, которые в тяжелых боях разбили гитлеровцев и хортистов.” [Шафаренко 1978: 94.] – вспоминал позже комдив Шафаренко. Трусоватый Ракоши напрочь отказался выехать на передовую. Он проводил политбеседы с молодыми солдатами из только что прибывшего пополнения, рассказывая им о венгерской революции 1919 года. Писатель Иллеш оказался намного смелее. Он вызвался вести радиопередачи для солдат 2-й венгерской армии прямо с переднего края. Бойцы Красной Армии соорудили передающее устройство, и Бела Иллеш начал программу своего вещания. „Венгерский солдат! – призывал он. – Дома тебя ждут жена, дети, родина. Кончай войну! Сдавайся в плен! Только так ты сохранишь жизнь для себя, своей семьи, своей родины. Сталин своим приказом № 55 гарантирует жизнь всем военнопленным. Сдавайся в плен! Кончай войну!” [Шафаренко 1978: 95.]

Этой же теме были посвящены и листовки, которые привезли в дивизию Шафаренко знатные венгерские гости. Одна из них имела заголовок „Умирать за Гитлера или жить для Венгрии?”. В ней четыре пленного офицера писали своим товарищам из 12-й пехотной дивизии: „Друзья-командиры! Прекращайте бессмысленную и бесперспективную войну. Венгерский народ будет благодарить вас за каждую каплю сохраненной крови, за каждую спасенную жизнь венгра.” [Шафаренко 1978: 95.] Прокламации были разбросаны над мадьярской армией с самолетов. Призывы, содержащиеся в них, находили отклики в войсках. Сохранились свидетельства о том, что, к примеру, командир взвода минной роты 52-го пехотного полка прапорщик Кехалми „всегда прочитывал солдатам советские листовки, разбирал их, ругал немцев и говорил, что русские правы. ... Несмотря на запрет, листовки читались и хранились, – вспоминал позже врач этого же полка старший лейтенант Фейер Байор. – Борьба с этим была бесполезна”. [Пушкаш 1966: 297., 298.]

Столь массивная пропаганда достигла своей цели: венгерских гонимых постепенно охватывали пораженческие настроения. Попытки командования поднять моральный дух войск были безуспешны. На имя генерала Яни шли донесения от командиров, где приводились неутешительные факты. Так подполковник Ласло Пулис писал, что во время боя его артиллеристы

сами спрятали снаряды от орудий. Комдив генерал Йозеф Хеслени докладывал, что солдаты его дивизии „бросают оружие или продают его вместе с боеприпасами русским за продовольствие, чтобы, не имея оружия, не воевать”. [A 2. magyar hadsereg megsemmisülése a Donnál, 1959: 122., 197.]

Дальше – больше. В ноябре в расположение 25-й дивизии Шафаренко в полном составе с белым флагом прибыл 16-й отдельный взвод 12-й венгерской дивизии. Взвод добровольно сдался в плен по предложению ефрейтора Ференца Боштяна, который заявил командованию советской дивизии: „Зачем нам стрелять в русских? Они нам ничего не сделали. Мой дядя Антон Боштян 6 лет пробыл в плену у русских и жил там хорошо...”. [ЦАМО РФ, ф. 32, оп. 11306, д. 57: 72., 95.] „На основе допроса пленных венгров можно было сделать вывод о том, что настроение у мадьярских солдат и офицеров плохое, – писал в своих воспоминаниях комдив Шафаренко. – Они не получили зимнего обмундирования. Кормили их хуже, чем немцев, и те считали их солдатами второго сорта. Они были потрясены большими потерями в ходе захвата нами Сторожевского плацдарма. Кроме того, уже теперь, в условиях обороны, они несли большие потери от огня наших снайперов, которые буквально не дают им поднять головы.” [Шафаренко 1978: 101.]

Ситуация, возникающая во 2-й венгерской армии, стала серьезно тревожить гитлеровское руководство. Командующий армейской группировкой „Б” генерал-полковник барон Максимилиан фон Вейхс решил жестко пресечь пораженческие настроения в войсках союзников. С этой целью в конце декабря 1942 года он включил в состав 2-й венгерской армии немецкий резервный корпус, состоящий из двух пехотных дивизий и танковой группы. Командовать корпусом было поручено известному своей жестокостью генералу Крамеру. Согласно специальному разъяснению для венгерского командования, корпус генерала Крамера напрямую подчинялся только приказам фон Вейхса. О том, какими методами действовал резервный корпус, известно из рассказа сдавшегося в советский плен полковника штаба венгерской армии Золтана Фаркаша: „Немцы обращались с нами как с врагами. Нашим войскам было запрещено пользоваться дорогами, им не давали мест для расквартирования, а то и вообще не пускали в населенные пункты. Солдаты и офицеры, поодиночке или группами, подвергались нападениям со стороны немцев. Последние срывали пистолеты с пояса венгерских гонимых,

насильственно отымали у них лошадей и средства передвижения, не переставая ругать венгерскую нацию и ее армию. Венгерских солдат немцы сталкивали с саней. Доходили даже до того, что снимали с наших раненых повязки и забинтовывали ими своих. Командование вермахта относилось к нашим войскам как к военнопленным.” [Пушкаш 1966: 297., 302.]

В этих условиях командующий 2-й венгерской армией генерал Яни решил ужесточить дисциплину. Он приказал каждой комендатуре гарнизона в кратчайшие сроки сформировать отряд полевой жандармерии из „наиболее твердых людей”. Этому отряду вменялось в обязанность „строго следить за порядком и беспрекословным исполнением приказов”. [ЦАМО РФ, ф. 32, оп. 11306, д. 57: 199.]

Операция по окончательному разгрому 2-й венгерской армии разрабатывалась и корректировалась в оперативном отделе советского генштаба. Она была составной частью массированного наступления Красной армии на южном участке фронта. Согласно общей задаче, поставленной перед командованием Воронежского фронта, 40-й армии генерал-лейтенанта Москаленко надлежало атаковать венгерские войска в направлении Репьевка–Алексеевка, где им следовало соединиться с 3-й танковой армией генерал-лейтенанта Рыбалко. Наступление должно было начаться 14 января 1943 года. Его план держался в строжайшем секрете. Советские войска соблюдали все средства маскировки, поэтому венгерская разведка докладывала, что ничего особенного на передовой не происходит.

12 января 25-я гвардейская дивизия теперь уже генерал-майора Шафаренко со своего плацдарма на Сторожевом начала проводить обычную разведку боем. Поначалу ничто не предвещало сюрпризов, но вдруг события стали разворачиваться по совершенно неожиданному сценарию. Артиллеристы и минометчики дивизии „переусердствовали” с нанесением ударов в районе роци Ореховая до такой степени, что 7-я венгерская дивизия пустилась в бегство. Батальон капитана Никифорова начал преследовать убегающего противника. Упускать такую возможность для атаки было грешно. Комдив Шафаренко доложил обстановку в штаб армии, там

проконсультировались со штабом фронта, откуда пришло разрешение на ввод в бой главных сил первого эшелона. Наступление 25-й гвардейской поддержали 141-я дивизия полковника Рассадникова и 340-я дивизия генерал-майора Мартиросяна. Им фактически с ходу удалось продвинуться в глубину обороны венгров сразу на семь километров. Столь мощная атака стала полной неожиданностью для мадьярского командования. Связь между их дивизиями и полками была прервана. Офицеры бросали свои подразделения, а оставшиеся без начальников солдаты бежали куда глаза глядят или сдавались в плен.

Очевидцы рассказывают страшные истории о том наступлении. Взвод советских солдат начинает атаку с вершины холма, а внизу, в ложине, образовав круг, стоят венгры. „Красная армия с криками „ура!“ быстро приближается к расположившимся внизу. Те не двигаются, продолжают стоять, плечом к плечу. И только когда советские солдаты подбежали вплотную, они увидели жуткую картину: круг солдат-венгров стоял у потухшего костра, и все солдаты были мертвыми. Костер прогорел, и они замерзли, продолжая стоять, прижавшись друг к другу... Кто-то из наступавших дотронулся прикладом автомата до замерзшего воина, и весь строй мертвецов повалился друг на друга в ледяной снег...” [Дьяков 2014]

13 января генерал Яни, получивший в эти дни известие о том, что Гитлер представил его к главной награде вермахта – Рыцарскому кресту, постарался остановить надвигающуюся катастрофу. Он предпринял попытку контрнаступления в районе Довгалевки и хутора Веселый. Однако успеха венграм это не принесло. В течение трехдневного боя наступающие войска полностью разгромили три мадьярские дивизии (7-ю, 20-ю и 12-ю) и поддерживающую их 700-ю немецкую бронетанковую группу. Оборона венгерской армии была прорвана почти на 100 км по фронту и около 20 км в глубину.

Любопытный случай произошел при освобождении Репьевки, которая рассматривалась сражающимися войсками как важный узел шоссе и грунтовых дорог. Так вот, получив приказ о наступлении на Репьевку, войска 25-й гвардейской дивизии, встав на лыжи, отправились в бой. Комдив генерал Шафаренко решил следовать за ними, но не по снежному полю, а по шоссе. Расположившись вместе

с адъютантом и радистом в кабине трофейной машины „Плимут”, комдив выехал в Репьевку, куда очень быстро и добрался. Однако, как оказалось, советские войска отстали где-то по пути. „В центре села мы вдруг совершенно неожиданно увидели вражеских солдат, шагавших по улице, – рассказывал позже об этом случае генерал Шафаренко. – Кое-где у хат стояли кухни, машины с орудиями. Гарнизон явно не знал обстановки на фронте и, ничего не подозревая, жил тыловой жизнью. На наш „Плимут” никто внимания не обратил. Наверное, марка машины сама за себя говорила: противнику она принадлежать не может. Но момент пренеприятнейший. Что делать? Каждая секунда промедления грозила нам смертью или пленом.

Я приметил, что хорошо расчищена от снега только главная улица, и сказал водителю:

– Поезжай вперед и развернись.

Мы развернулись и на средней скорости, как и полагается в населенном пункте, миновали центр села и благополучно выбрались из него...

Части мы догнали на подходе к Репьевке, которая была взята с ходу.” [Шафаренко 1978: 119.]

А в это время генерал Яни все еще пытался организовать сопротивление. В ночь на 16 января он приказал своим войскам „держаться до последнего человека”. Правда, уже на следующий день дал новое указание „отступать в направлении Буденновки”. Однако вместо „организованного отступления” продолжалось паническое бегство и массовая сдача в плен. Так, например, поступили 2-я маршевая рота 23-го полка 20-й пехотной дивизии в составе 180 человек во главе с прапорщиком Косашем, 3-й взвод 1-й роты 14-го полка вместе с фельдфебелем Боя, 1-й взвод 7-й роты 22-го полка со своим командиром прапорщиком Лучко и целый ряд других подразделений. Перешли на сторону Красной Армии два минометных взвода 47-го полка под командованием Габора Чомоша и Габора Баги. 18 января 1943 года двое военнопленных венгров, отправившись в свою часть, привели с собой 250 солдат. Под Острогжском младший сержант Хомяков из 340-й стрелковой дивизии Красной армии вместе с тремя солдатами сумел взять в плен 212 венгерских гонведов. Было это так. Четверо советских воинов залегли на небольшой высотке. Увидев, что из леса вышла большая группа мадьярских солдат с двумя офицерами, Хомяков дал по ним длинную пулеметную очередь, что вызвало среди

противника панику. Солдаты что-то выкрикивали, размахивали руками и спорили. Офицер, угрожая рядовым, пытался навести порядок и организовать удар по нашим воинам. Он выстрелил в одного солдата и стал наносить рукояткой пистолета удары другим. Тогда гонведы повалили офицера на землю и начали топтать его ногами, а потом застрелили. Другой офицер застрелился сам. После этого солдаты подняли руки вверх и закричали: „Рус, сдаемся!“... Как свидетельствуют документы, уже к 19 января 27 500 офицеров и солдат венгерской армии были пленены и направлены во временный лагерь в Давыдовке. [ЦАМО РФ, ф. 203, оп. 2847, д. 121: 22–23.]

„Пленные доставляли нам немало хлопот, – вспоминал начальник штаба Воронежского фронта генерал Казаков. – Для препровождения их в лагерь требовались конвоиры. А войска ведь продолжали наступление, и в подразделениях был дорог каждый солдат. Некоторые командиры частей стали вооружать женщин-колхозниц, и те добросовестно препровождали непрошенных гостей по назначению. В других случаях пленным просто выдавалась сопроводительная записка с указанием лагеря, и они сами следовали туда. Доходили все до единого. Бежать было некуда. Фронт отодвигался все дальше и дальше на запад, а вокруг только заснеженная степь да лютая пурга...” [Казаков 1971: 151–152.]

Свою роль в разгроме венгров под Воронежем сыграли и гитлеровские „союзники”. Вот только несколько примеров очередного предательства немцев по отношению к мадьярским солдатам. Под селом Борщово немецкие заградительные отряды задерживали венгерских солдат из разбитых частей 9-й дивизии и гнали их на передовую. В деревне Ивановка при отступлении немецкая часть выгнала всех венгров на мороз и заняла избы и сараи. Когда в селе Верхнее Турово застряли немецкие машины, гитлеровцы отобрали лошадей из венгерского обоза, бросив сопровождающих его солдат на произвол судьбы. Командир корпусной группы вермахта генерал Зиберт отводил свои части под живым прикрытием остатков венгерских войск. Последние использовались и на других участках фронта в качестве арьергарда при отступлении германских войск. В частности, остатки 1-й венгерской танковой дивизии по приказу Крамера прикрывали отход его корпуса.

Немцы оттесняли венгров с хороших дорог, не давали им места для расквартирования или вообще не впускали в населенные пункты. Средства передвижения, коней, теплые одеяла отнимали...

Сбрасывали раненых венгров с автомашин.

28 января в районе Касторного были разгромлены остатки венгерской армии. Через день после этого из штаба венгерской армии поступил приказ всем оставшимся солдатам армии „мелкими группами пробираться на запад”. Это был последний приказ штаба. 2-я венгерская армия перестала существовать.

Есть еще одна тема, которую я не могу обойти молчанием – поведение венгерских солдат в захваченных селах Воронежской области. Об этом по-прежнему у нас много говорят, пишут книги, публикуют свидетельства очевидцев. Тема эта очень болезненная, и в массовом сознании она имеет резко негативное восприятие. В свое время я попытался разобраться в причинах столь отрицательного отношения к солдатам венгерской армии в наших краях. Просмотрел множество документов в архивах, беседовал с ветеранами – очевидцами тех трагических событий. И вот несколько соображений по этому поводу.

Начну с того, что, аккуратно к моменту окончания боев в излучине Дона, в Москве было окончательно решено создать новую идеологическую структуру – Чрезвычайную государственную комиссию по расследованию преступлений, совершенных германской армией на территории временно захваченных советских районов. Организация эта была создана по инициативе Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) и должна была, прежде всего, „произвести учет зверств, насилий и грабежей оккупационных армий и нанесенного ими материального ущерба Советскому государству и советским гражданам”. [РГАСПИ, ф. 17, оп. 125., д. 79: 9.]

16 марта 1943 года такая комиссия была создана и на территории Воронежской области. Письмо, содержащее предписание о немедленном создании подобной комиссии и подробные инструкции по ее деятельности, поступило из Москвы под грифом „секретно”. Подписано это письмо было секретарем ЦК ВКП(б) Маленковым.⁵ [ГАОПИ ВО, ф. 3, оп. 1, д. 4951: 2.] Естественно, что после этого в Воронеже такая комиссия была создана. В ее состав

⁵ Тищенко Владимир Иосифович (1905–1973), партийный деятель СССР. В 1941–1949 гг. – первый секретарь Воронежского обкома ВКП(б), член Военного совета Воронежского фронта, председатель Воронежского городского комитета обороны.

вошли: Тищенко,⁶ первый секретарь обкома ВКП(б), Васильев,⁷ председатель Областного исполнительного комитета и Прошаков,⁸ начальник Воронежского управления НКВД. Письма от их имени были разосланы по всем районам области, которые находились в зоне оккупации. В этих письмах содержался перечень вопросов, на которые на местах должны были ответить, а также были установлены четкие сроки для сбора информации и отправки ее в Воронеж. В архивах я видел подлинники этих ответов. Они сами по себе – уникальные документы. Написанные на обороте трофейных немецких карт, на газетах поверх печатных строк (бумаги не было), они содержат информацию, собранную, буквально, по горячим следам. Общий тон этих ответов довольно точно передает письмо из Синелипяговского райкома партии: „Взаимоотношения между венгерскими и румынскими солдатами были враждебны. Венгры и румыны производили между собой частые драки... Немецкие офицеры и солдаты часто избивали розгами и палками венгерских и румынских солдат. Магьярские солдаты обзывали немецких командиров и солдат – „собаками” и „свиньями”... Характеризует взаимоотношение между немцами и мадярами и такое объявление, которое было вывешено в селе Синие Липяги, и в котором было написано, что за одного убитого немецкого солдата будет расстреляно 100 мирных советских граждан, а за одного убитого мадярского солдата – 50 человек.” [ГАОПИ ВО, ф. 3, оп. 3, д. 34: 23.]

Когда подобные сведения поступили из всех районов области, собранный материал был передан в местное управление НКВД – для обработки и включения в него оперативной информации. Фактически с этого момента областная Комиссия по расследованию преступлений и злодеяний полностью перешла под контроль органов государственной безопасности. После чего вся ее деятельность свелась фактически к одной цели – пропагандистской.

6 Тищенко Владимир Иосифович (1905–1973), партийный деятель СССР. В 1941–1949 гг. – первый секретарь Воронежского обкома ВКП(б), член Военного совета Воронежского фронта, председатель Воронежского городского комитета обороны.

7 Васильев Иван Васильевич (1905–?), государственный деятель СССР. В 1939–1948 гг. – председатель исполкома Воронежского областного Совета депутатов трудящихся. В 1948 г. снят с поста и исключен из партии за „антигосударственный поступок и обман”.

8 Прошаков Иустин Григорьевич (1903–1970), полковник госбезопасности. Начальник управления НКВД Воронежской области в 1943–1946 гг. В 1945 г. награжден знаком „Заслуженный работник НКВД”.

Теперь для освящения итогов работы Комиссии отбирались наиболее тяжёлые для восприятия человеком примеры преступлений, совершённых на временно оккупированной территории Воронежской области, а также приводились высокие показатели причиненного ущерба. Всё это должно было разжечь у граждан ненависть к противнику, и в то же время сплотить для достижения одной единственной и главной цели – победы в войне. Естественно, органы государственной безопасности понимали всё значение данной агитационно-пропагандистской деятельности и держали её под строгим контролем.

Начиная с 1942 г., органами пропаганды ВКП(б) начинают выпускаться специальные листовки и брошюры о преступлениях противника для агитаторов, которые могли применяться как в армии, так и среди мирного населения. Брошюры издавались как общесоюзные, так и по отдельным регионам Советского союза, освобождённым от противника. Так, в 1943 году в Москве в Госполитиздате вышла брошюра лектора Воронежского обкома партии Аброськина⁹ „Зверства фашистов в Воронежской области”. Маленького формата, удобная для чтения в окопах на передовой эта книжица подчеркнута эмоционально описывала преступления и ужасы, совершенные немцами и венграми на оккупированной территории Воронежской области, чтобы внушить читателю одну мысль. Она звучала в призыве, которым заканчивалась брошюра: „Бойцы Красной армии! Мстите фашистским захватчикам, принесшим столько горя и слёз нашему народу. Бейте врага без пощады! Бейте фашистов, как взбесившихся собак! Смерть за смерть! Кровь за кровь!” [Аброськин 1943: 48.]

Подобный пропагандистский максимализм, вполне уместный в экстремальной ситуации перед штыковой атакой, вряд ли может претендовать на историческую правду.

Значит ли это, что все разговоры о жестокостях венгров в воронежских сёлах являются пропагандистской выдумкой местных органов НКВД? Увы, нет. Были и расстрелы мирного населения, и издевательства над крестьянами, и надругательства над женщинами. Но были и факты, о которых долгие годы говорить было непринято.

⁹ Аброськин Сергей Васильевич (1908–?), коммунистический пропагандист и агитатор. В 1942–1950 гг. лектор Воронежского обкома ВКП(б), в дальнейшем – зам. зав. отделом пропаганды и агитации Воронежского обкома партии, зам. директора Высшей партийной школы (Воронеж), зав. кафедрой истории КПСС Воронежского инженерно-строительного института.

В прошлом году в Воронеже вышел сборник „Суровое детство”, в котором собраны воспоминания тех, кто пережил оккупацию ребенком. Там много говорится и о жестокостях войны, но я хочу процитировать из этого сборника совсем другие строки.

„Трое немцев пришли в землянку села Перерывное, где жила молодая женщина с 14-летней дочкой и такого же возраста племянницей. Высокий немец с большим белым чубом поставил на стол две бутылки водки и заставил женщину жарить колбасу, а двое других стали пихать в рот девочкам конфеты. Мать показала глазами девочкам: удирайте! Сначала одна, а затем и другая, под видом болей в животе, сбежали к соседям. Немцы, угрожая орудием, потребовали девочек в землянку. Мать разводила руками и пожимала плечами, но немцы не отступались. Одевшись, побежала якобы привести девочек и тут же бросилась к патрулю венгров. Венгерский патруль пришел и арестовал наглецов.” [Суровое детство 2013: 190.]

„Непонятно, были ли венгры все такие добрые или оказывал влияние на них красавец-комендант на белом жеребце, но они не совершили ни одного насилия в Ивановке, где жителей весьма прибавилось за счет эвакуированных из соседнего села.” [Суровое детство 2013: 189.]

Вот, пожалуй, и всё. Но прежде чем закончить свое выступление, мне хотелось бы сказать еще несколько слов.

Долгие годы мы с вами жили в рамках не нами придуманных условностях, где русский город Воронеж для венгров был синонимом гиблого места, а для воронежцев венгерский солдат олицетворял оккупанта-мучителя.

Сегодня воронежцы и венгры, несмотря на корневую далёкость языков, начинают заново приглядываться друг к другу. За кровавым изнеможением Второй мировой войны, в которой обе стороны понесли самые страшные в своей истории потери, выстраивается новая цепь отношений. Они должны основываться на том, чтобы ни в чем не оправдываться в прошлом и ничего не навязывать настоящему...

Литература

ГАОПИ ВО: Государственный общественно-политический архив Воронежской области, Воронеж.

РГАСПИ: Российский государственный архив социально-политической истории, Москва.

ЦАМО РФ: Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации, Московская область, Подольск.

Аброськин 1943: Аброськин С. Зверства фашистов в Воронежской области. ОГИЗ-Госполитиздат, Москва, 1943.

Барт 2005: Барт Иштван. Русским о венграх: Культурологический словарь / Перевод с венгерского Т. Воронкиной. «Радуга», Москва, 2005.

Дёрр 2000: Дёрр Ганс. Поход на Сталинград / Перевод с немецкого // Роковые решения. Поход на Сталинград. «Полигон», Москва, 2000.

Дьяков 2002: Дьяков Д. Русско-венгерский счет, Воронежский курьер, 6 июля 2002 г.

Дьяков 2014: Дьяков Д. Рукописный архив автора.

Казаков 1971: Казаков М.И. Над картой былых сражений. Воениздат, Москва, 1971.

Пушкаш 1966: Пушкаш А.И. Венгрия в годы второй мировой войны. «Наука», Москва, 1966.

Суровое детство 2013: Суровое детство: Сост. М. Волков, А. Захаров, Центр духовного возрождения Черноземного края, Воронеж, 2013.

Тревор-Ропер 2004: Тревор-Ропер Хью. Застольные беседы Гитлера. 1941-1944 / Перевод с английского, «Центрполиграф», Москва, 2004.

Шафаренко 1978: Шафаренко П.М. На разных фронтах: Записки командира дивизии. Воениздат, Москва, 1978.

A 2. magyar hadsereg megsemmisülése a Donnál. In: A 2. magyar hadsereg megsemmisülése a Donnál. A Hadtörténelmi Intézet Levéltárának anyagából összeállította és a bevezető tanulmányt írta: Dr. Horváth Miklós, Zrínyi Kiadó, Bp., 1959.